

История СССР за рубежом

ПЕРВЫЕ ОТКЛИКИ НА ВЕЛИКУЮ ОКТЯБРЬСКУЮ СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ В КИТАЕ

(Историографическая справка)

Ю. М. ГАРУШАНЦ

Октябрьская социалистическая революция в России оказала огромное воздействие на весь ход национально-освободительной борьбы китайского народа. Под ее непосредственным влиянием в Китае начался процесс перехода интеллигенции с позиций революционного демократизма к коммунизму. Октябрьская революция значительно ускорила выход китайского пролетариата на арену политической жизни страны. В соединении этих двух потоков, приведшем к образованию в июле 1921 г. Коммунистической партии Китая, историки-марксисты усматривают наиболее яркое выражение влияния русской революции на Китай.

Не менее глубокое влияние Октябрьская революция оказала на развитие общедемократического движения в Китае. Полевление масс, события 4 мая 1919 г., появление новой, более последовательной антифеодальной и антиимпериалистической программы борьбы, выработанной Сунь Ят-сеном,— результат революционизирующего воздействия Октября на самые широкие слои китайского общества.

При наличии довольно обширной литературы по этой большой и многоплановой проблеме (как правило, юбилейные статьи)¹ приходится, к сожалению, констатировать ее общесоциологический характер. В советской литературе до сих пор практически нет конкретно-исторических исследований, которые раскрывали бы отдельные стороны вопроса. Единственная специальная монография на эту тему принадлежит китайским историкам Дин Шоу-хэ, Инь Сюй-и и Чжан Бо-чжао². В ней, на наш взгляд, удачно освещен лишь один аспект — влияние Октябрьской революции на зарождение идей коммунизма в Китае. Авторы правильно раскрывают общий марксистский тезис о воздействии Октября на различные страны, в том числе и на Китай, подчеркивая вместе с тем наличие глубоких внутренних предпосылок для создания в стране научной пролетарской идеологии.

Рассмотреть этот вопрос важно и потому, что и сейчас некоторые буржуазные историки пытаются отрицать влияние пролетарской революции на политическую жизнь Китая и подъем освободительной борьбы

¹ См. П. К. Скачков. Библиография Китая, М., 1960, стр. 208—209.

² Дин Шоу-хэ, Инь Сюй-и, Чжан Бо-чжао. Влияние Октябрьской революции на Китай, М., 1959.

весной — летом 1919 г. Характерна в этом отношении изданная в 1960 г. в США монография китайского буржуазного историка Чжоу Цзэ-цзуня «Движение 4 мая»³. Автор голословно отрицает в заключении положение т. Мао Цзэ-дуня о том, что движение 4 мая 1919 г. «родилось в ответ на призыв мировой революции, призыв русской революции, призыв Ленина»⁴. В специальных параграфах второй главы, где рассмотрены внутренние и внешние причины возникновения движения, Чжоу Цзэ-цзун говорит о «благоприятном влиянии США», о «революционном воздействии Японии» и идей Французской революции на Китай. В его построениях нет только места освободительному влиянию идей Октябрьской революции. Тенденциозность автора проявляется и в том, что вопрос о влиянии русской прогрессивной и революционной литературы на умы китайской молодежи оказался втиснутым в раздел о влиянии... Японии только потому, что произведения нашей литературы в то время становились известными в Китае, как правило, через японские переводы. Точно так же вопрос о воздействии Октября на революционизированные китайской эмиграции во Франции попал в параграф о французском влиянии.

Но главное даже не это. Дело в том, что Чжоу Цзэ-цзун замалчивает широко известные события и факты о влиянии Октябрьской революции на политическую жизнь Китая 1918 — начала 1919 гг. Хотя автору хорошо известны новейшие китайские публикации, где содержится исключительно богатый материал по данной проблеме, и сам он ссылается на эти публикации, однако при этом тщательно обходит все то, что касается влияния Октябрьской революции на Китай.

По-видимому понимая, что фальсификация путем произвольного обращения с источниками не может скрыть уязвимость его собственной концепции, Чжоу Цзэ-цзун, чтобы как-то сгладить впечатление, вынужден заявить, что на возникновение движения 4 мая 1919 г. большое влияние оказала мировая революционная ситуация. Но совершенно очевидна та простая истина, что русская революция — главный и ведущий фактор этой ситуации. Однако воздействие этого фактора на китайскую историю, по мнению Чжоу Цзэ-цзуня, относится к периоду лишь после 1919 г., что противоречит всем историческим фактам.

За последние годы в Китае появились отдельные публикации, которые открывают возможность более конкретного изучения данной проблемы. Переизданы материалы революционно-демократической и коммунистической печати периода 1917—1921 гг. — журналов «Синь циннянь» («Новая молодежь»), «Гунчаньдан» («Коммунист»), газеты «Мейчжоу пинлунь» («Еженедельное обозрение»). Ценнейшим материалом является трехтомник «О периодической печати периода 4 мая», содержащий систематический обзор и опись свыше 150 газет и журналов⁵. Тщательное изучение всех этих материалов позволяет глубже понять влияние нашей революции на политическую мысль и общественную борьбу в Китае. Большим подспорьем для исследователей является издание произведений пионера марксизма в Китае и страстного пропагандиста Октябрьской революции Ли Да-чжао. Кроме названных публикаций, мы использовали в данном сообщении фактические сведения из других изданий.

Уже события Февральской буржуазно-демократической революции получили широкий отклик в Китае.

В период первой мировой войны китайское правительство было связано с блоком Антанты. Поэтому после признания Временного правительства странами Антанты китайское правительство также внесло этот

³ Chow Tse-tsung. The May Fourth Movement, Cambr. Mass., 1960, p. 486.

⁴ Мао Цзэ-дун. Избр. произв., т. 3, стр. 258.

⁵ «Усы шичи цинянь цзешао», Пекин, 1958—1960.

вопрос в парламент. 30 марта 1917 г. парламент высказался за признание Китаем Временного правительства, о чем в начале апреля был извещен китайский посланник в Петрограде⁶. Это обеспечило относительную цензурную свободу в освещении событий, происходящих в России. В этих событиях общественность Китая пыталась прежде всего найти ответ на те задачи, которые стояли перед китайским революционным движением. Меньше года прошло со времени провала монархического путча Юань Ши-кая, над страной по-прежнему висела угроза реставрации. Существовавший в Китае военно-феодальный режим лишь маскировался республиканскими вывесками, жестоко подавляя буржуазно-демократические свободы. В стране росли антивоенные настроения. Все это обусловило интерес прогрессивной китайской общественности к событиям в России.

Первым на Февральскую революцию откликнулся демократ-радикал Ли Да-чжао, профессор политэкономии Пекинского университета. Находясь в Китае, он активно сотрудничал в антимонархическом журнале «Цзянь» («1914 год»), издававшемся китайской буржуазной интеллигенцией в Токио. Здесь в марте 1917 г. были опубликованы его статьи о причинах и характере Февральской революции. Наибольший интерес представляет работа «Значение Великой русской революции» (29 марта 1917 г.). Важнейший политический итог русских событий Ли Да-чжао усматривает в крушении монархизма и огромном росте демократического сознания масс. Неоценимо значение Февральской революции для судеб демократического движения в Китае, пишет он. Борьба народа за утверждение республиканских институтов, стоившая огромных жертв, не увенчалась успехом, вера в демократию поколебалась. События в России показывают, что полная победа приходит не сразу, она достигается тяжелой и упорной борьбой. Эту истину должна усвоить китайская демократия. Русский народ заставляет призадуматься и правящий лагерь: «Обильно пролитая горячая кровь русских... напоит всходы свободы в нашей стране, бюрократия поймет, возможно, что нельзя восстановить абсолютизм, преградить дорогу народоправству, задушить республику и реставрировать монархию»⁷. В противном случае бюрократия будет сметена революционной волной. Такая перспектива не пугает автора статьи.

По-иному реагировал на Февральскую революцию шанхайский журнал «Тайпинянь» («Тихий океан»), объединивший вокруг себя либеральную интеллигенцию. Возглавлял его видный историк Ли Цзян-нун — поборник буржуазного парламентаризма. Воспевая русскую революцию как «славную страницу мировой истории», ставя ее в один ряд с Французской революцией, журнал вместе с тем призывал русских «республиканцев» не действовать радикальными методами: надо избежать повторения яacobинского периода, реакцию нельзя круто подавлять, с ней надо сговориться. Подобная трусливая, соглашательская позиция развивалась во всех статьях о русской революции, опубликованных в этом журнале⁸.

Наиболее радикальные позиции занимал журнал «Синь циннянь», издававшийся с 1915 г. группой профессоров Пекинского университета (Чэнь Ду-сю, Ли Да-чжао и др.). Это был популярнейший в стране демократический печатный орган. Среди его руководителей, корреспондентов и читателей мы встречаем имена Ли Да-чжао, Мао Цзэ-дуна, Юнь Дай-ина, Цюй Цю-бо и других будущих активных строителей Коммунистической партии Китая.

⁶ «Синь циннянь», т. 3, № 2, апрель 1917 г., рубрика «Иностранная жизнь», стр. 5.

⁷ «Ли Да-чжао сяньцзи» (Ли Да-чжао. Избр. произв.), Пекин, 1959, стр. 81—82.

⁸ «Усы шици цикань цзешао», т. 3, стр. 342.

С апреля 1917 г. журнал в специальной рубрике освещал конкретный ход русской революции, которая, по словам его главного редактора Чэнь Ду-сю, означала победу сил демократизма и являлась ударом по силам войны и милитаризма; тем она и ценна для китайской нации. В центре внимания журнала, в отличие от других изданий, находились остро поставленные русской революцией вопросы войны и мира. Он высоко оценивал большевистскую программу демократического мира без аннексий и контрибуций, исходящую из права наций на самоопределение. Основное внимание корреспондентов «Синь циннянь» сосредоточивалось не на политике Временного правительства, а на деятельности Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. В сочувственном тоне журнал отзывался о большевистской партии. Впервые китайский читатель узнал имя вождя большевиков В. И. Ленина, который вернулся «из эмиграции и активно борется за мир», узнал о том, что его политика находит поддержку среди русской солдатской массы⁹. Из этих сообщений передовые люди Китая могли почерпнуть сведения о политическом движении рабочего класса России, о борьбе русского крестьянства за землю.

Характерно, что китайский парламент, разогнанный летом 1917 г. в результате нового монархистского путча, обратился с письмом в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов: «Демократия снова борется за свое существование в Китае. Во второй раз со времени образования Китайской республики наш парламент был незаконно распущен, в столице восстановлена олигархия, опирающаяся на военную силу... Как нация, решившая ввести у себя демократическое управление, мы обращаемся за поддержкой к свободной России»¹⁰.

В революционных событиях в России черпал вдохновение Сунь Ят-сен. В сентябре 1917 г. вместе с членами разогнанного парламента он приезжает в Гуанчжоу для организации Военно-республиканского правительства. Обосновывая на массовых митингах необходимость борьбы за демократию, Сунь Ят-сен постоянно призывает обращаться к опыту Февральской революции¹¹.

Интересно отметить, что и в Петрограде с вниманием следили за событиями в Китае. Хотя эсеро-меньшевистское руководство Совета оставило без внимания обращение китайского парламента, тем не менее в ряде статей петроградских «Известий» звучал голос русских рабочих, готовых помочь китайскому народу (см. «Известия Петроградского Совета Рабочих и Солдатских депутатов», 15 июня 1917 г.).

Естественно, что из-за отсутствия в Китае партии рабочего класса, способной по-настоящему оценить характер Февральской революции, дело пропаганды последней оказалось целиком в руках буржуазных и мелкобуржуазных радикальных идеологов, проявивших полное равнодушие к социальной стороне революционной борьбы в России. Правильно отмечают китайские историки: «Китайские революционеры извлекали немало положительных уроков из опыта революционного движения в России в предоктябрьский период, однако содержание этих уроков не выходило за рамки старой буржуазной демократии». Однако Февральская революция послужила для части революционной интеллигенции мостом, через который она пришла к пониманию идей научного социализма. Представитель этого направления Ли Да-чжао перед самым кануном Октябрьской революции 15 октября оптимистически писал:

⁹ Чэнь Ду-сю. Русская революция и пробуждение нации, «Синь циннянь», т. 3, № 4, «Иностранная жизнь», стр. 1—2. Это первое известное упоминание о В. И. Ленине в китайской прессе.

¹⁰ «Известия Петроградского Совета Рабочих и Солдатских депутатов», 21 июля 1917 г.

¹¹ «Цзунли цюаньцзи» (Сунь Ят-сен. ПСС), т. 2, Шанхай, 1930, стр. 174—175.

«В тяжелой и упорной борьбе бесстрашный русский народ поднимает высоко красное знамя и закладывает прочные основы свободы и демократии»¹².

Октябрьская социалистическая революция оказала неизмеримо более широкое, глубокое и длительное воздействие на Китай. Она произвела коренной перелом во всех сферах и областях жизни китайского общества.

Правящие круги Китая получали регулярную информацию об Октябрьских событиях в России, о внутренней и внешней политике только что родившейся Советской власти. 7—8 ноября китайский посланник в Петрограде Лю Жень-цзин сообщал своему правительству о взятии власти большевиками, 10 ноября он передал содержание Декретов о мире и земле. Посланник ставит свое правительство в известность об опубликовании в революционной столице тайных договоров России, касающихся Китая, и о ленинском обращении к воюющим странам, в том числе и к Китаю, с призывом прекратить войну и заключить мир без аннексий, контрибуций, соблюдая права наций на самоопределение¹³. Однако китайское правительство, идущее в фарватере империалистической политики западных держав, принимает энергичные меры к тому, чтобы помешать проникновению в страну сведений об Октябрьской революции. Реакция, пытаясь дискредитировать большевиков, пустила в оборот кличку «экстремисты». Об этом писал великий китайский писатель Лу Синь в мае 1919 г.: «В последнее время часто слышим: «Экстремизм пришел»; в газетах постоянно читаем: «Экстремизм пришел». Сильно недовольны этим имущие. Страшно обеспокоены чиновники, которые хотят не допустить возвращения на родину китайских рабочих из России, советуют остерегаться русских. Полицейское управление разослало циркуляр с целью установить: «не создает ли свои учреждения партия экстремистов»»¹⁴.

Резко изменился тон буржуазной прессы, которая столь недавно восторгалась Февральской революцией. 15 ноября журнал «Тайпинян» откликнулся на октябрьские события статьей «Политический переворот в России после революции (Февральской — Ю. Г.)». Русская Октябрьская революция, по мнению автора, — «бессмысленный бунт толпы, подстрекаемой крайними во главе с Лениным». Вся статья пестрит антибольшевистскими выпадами, которые ничем не отличались от пошлых приемов реакционной западной прессы. Боясь повторения подобных «эксцессов» в Китае, автор спешит преподать урок «мыслящим личностям». Китайская буржуазия, если она хочет «занять серьезное место в последующем политическом движении», должна подготовить себя к «роли руководителя торгово-промышленного общества». Военно-феодальной бюрократии надо пересмотреть свою политику, ибо народ «от национальной революции (имеется в виду буржуазная революция 1911 г. в Китае — Ю. Г.) перейдет к революции социальной. Народ начнет размахивать красными знаменами и готовить бомбы огромной взрывной силы. Он выйдет из повиновения, несмотря на наличие в ваших руках армии. Если вы нам не верите, спросите Брусилова, Корнилова, Керенского. Они подтвердят правоту наших слов»¹⁵.

Тезисы, развиваемые «Тайпинян», легли в основу дальнейшей контрреволюционной борьбы буржуазных реформистов в Китае.

Но правда о пролетарской революции пробивала себе дорогу в Китай. Этому содействовала, в частности, оппозиционная буржуазная газета

¹² Дин Шоу-хэ, Инь Сюй-и, Чжан Бо-чжао. Указ. соч., стр. 45. См. также «Ли Да-чжао сюаньцзи», стр. 90.

¹³ Ли Ху. Сообщения аккредитованных в иностранных государствах посланников бэйпинского правительства, в журн. «Цзиньдай ши цзыляо» («Материалы по новой и новейшей истории Китая», 1957, № 5, стр. 112, 113, 114, 115).

¹⁴ «Лу Сюнь цюаньцзи» (Лу Синь. ПСС), т. 1, Пекин, 1956, стр. 418.

¹⁵ «Усы шици цикань цзешао», т. 3, стр. 343, 344.

«Ми́ньго жибао» («Республиканская газета») — орган левых гоминьдановцев, возглавляемых Сунь Ят-сеном. Сразу же после начала вооруженного восстания в Петрограде 10 и 11 ноября она принесла Китаю весть о свержении правительства Керенского, о занятии столицы революционными отрядами рабочих, матросов и солдат. В сообщении о II съезде Советов говорилось: «...Съезд рабочих и солдатских депутатов... опубликовал декреты... Новое правительство предлагает справедливый мир, оно разделит землю среди крестьян». В другой корреспонденции сообщалось: «Вчера во второй половине дня состоялось чрезвычайное заседание съезда. С речью выступил Ленин. Он выдвинул три проблемы народной власти в России: во-первых, прекращение войны, с этой целью новое правительство должно обратиться к воюющим странам с предложением о перемирии; во-вторых, возвращение земли крестьянам; в-третьих, разрешение экономических трудностей»¹⁶.

В первое время сводки «Ми́ньго жибао» о событиях в России не выходили за рамки простой газетной информации. Но даже из этих скудных заметок, порой не всегда точных, китайский народ мог получить представление о том, что в России победили рабочие и крестьяне. В связи с этим следует упомянуть, что, узнав о русской революции, портовые рабочие Шанхая в ноябре 1917 г. создали митинг. Выступивший на нем оратор заявил: «Путь русских — верный путь. Мы должны следовать их примеру»¹⁷.

Всеобщее одобрение и симпатии китайского народа вызвал ленинский Декрет о мире, что вынужден был признать представитель китайского посольства в России: «Декрет о мире, принятый 26-го октября 1917 г. Всероссийским съездом Советов... произвел в Китае сильное впечатление... широким гуманизмом, которым проникнут этот декрет, и объявлением уничтоженными и утратившими силу всех тех договоров и соглашений, которые были насильственно отторгнуты у Китая, как и у других народов»¹⁸.

Возвращаясь к упомянутой выше концепции Чжоу Цзэ-цзуня, можно с полным правом утверждать, что ленинский Декрет о мире пришел в Китай раньше и произвел более глубокое впечатление, чем тщательно замаскированные псевдомемократической фразеологией экспансионистские «14 пунктов» Вильсона, которые так выпячивает Чжоу Цзэ-цзун в своей книге, противопоставляя их идеям русской революции.

Таковы были первые отклики представителей различных социальных слоев китайского общества на события Октября. В последующие годы начинается теоретическое осмысление основных аспектов нашей революции. Первая попытка подобного рода была предпринята выдающимся китайским утопистом и реформатором Кан Ю-вэем, который к рассматриваемому периоду стал открыто поддерживать монархические силы в стране. Свои сложные и противоречивые взгляды на значение Октябрьской революции он изложил в конце 1917 г. в работе «О республике», специальный раздел которой посвящен русским событиям. Кан Ю-вэй не отрицал за русскими права на революцию, но считал ее преждевременной. Россия, по его мнению, не подготовлена к политической демократии, поэтому борьба за республику, к тому же в условиях иностранной интервенции, кончится гибелью русских. Вместе с тем Кан Ю-вэй пытался трактовать Октябрьскую революцию как воплощение в жизнь своей утопической идеи «великом равенстве»: «Ленин и его соратники по партии осуществляют принцип равного распределения имущества, отбирают имущество богатых и распределяют его между крестьянами, ока-

¹⁶ «Известия, полученные в 1917 г. китайским народом об Октябрьской социалистической революции». «Лиши янь цзю» («Изучение истории»), 1954, № 4, стр. 52.

¹⁷ Фань Вэнь-лань. Влияние Октябрьской революции на китайскую революцию, в журн. «Кэсюэ тунбао» («Научный вестник»), 1957, № 22, стр. 691.

¹⁸ «Известия», 6 июня 1918 г.

зывают большую помощь бедным. В этом сокровенный смысл «Датун»¹⁹.

Более глубоко осмысливает Октябрьскую революцию наиболее демократическая фракция китайской буржуазии, возглавляемая Сунь Ят-сеном. Под влиянием Октября фракция сделала шаг вперед в своем политическом развитии. Извлекая уроки из русской революции, эта часть буржуазии отказывается от своего прежнего узкоформального понимания демократизма, которое обусловило ее слабую связь с народными массами в период революции 1911—1913 гг. Орган фракции «Миньго жибао» ставит в заслугу Октябрьской революции расширение рамок демократии (требование демократии для рабоче-крестьянских масс) и углубление ее в плане социальном, что выражается в «улучшении жизненных условий крестьян и рабочих». «Таковыми же,— пишет «Миньго жибао»,— будут требования революции и в нашей стране»²⁰.

В эти годы для китайской буржуазии остро стоял вопрос о внешнеполитической ориентации. Разочаровавшись в западной империалистической буржуазии, поддерживавшей все антидемократические режимы в Китае, она ищет нового союзника в борьбе за национальное и социальное освобождение. Поэтому группу Сунь Ят-сена особенно волнует отношение Советской России к колониальному вопросу. Этим и объясняется столь широкое освещение в «Миньго жибао» советской внешней политики. Большой интерес представляет сообщение газеты под названием «Заявление русских дипломатических представителей по вопросам внешней политики». Советская декларация гласила: «Мы кладем первый камень в создании совершенно новых отношений с народами Востока и... спасение их от опасности захвата, насилий и беззакония японско-европейских капиталистов и угнетателей заключается в тесном единении с народами социалистической России»²¹. Газета восторженно комментировала это заявление: «Новое правительство России... в вопросе о колониях выступило против политики угнетения, проводимой прежним самодержавным правительством, чтобы все народы обрели счастье... Оно выражает свой гневный протест против угнетения китайского народа со стороны деспотов бюрократов и дает нам надлежащий совет»²². Такого рода высказываний много публиковалось в «Миньго жибао». В них мы видим в зародыше идею новой политической установки Сунь Ят-сена на союз с Советской Россией, как активной силой в борьбе против империализма. Поэтому революционная китайская буржуазия выступила в защиту молодой Советской республики. Беседа весной 1918 г. в Шанхае с японскими и индийскими журналистами, Сунь Ят-сен первым в Китае выразил мысль о необходимости признания Советской России и призывал пропагандировать в печати Октябрьскую революцию²³. В политическом отчете II Конгресса гоминьдана (1926 г.) говорилось: «Возмущенный поднятой империалистами кампанией клеветы против Советской России, он (Сунь Ят-сен.— Ю. Г.) отправил в Москву тов. Ленину телеграмму, в

¹⁹ Кан Ю-вэй. Гунхэ пинъи («О республике») в журн. «Бу жэнь» («Гнев»). 1917, № 9—10, ч. 3, стр. 5.

²⁰ См. Пын Мин. История китайско-советской дружбы, М., 1959, стр. 66.

²¹ «Инструкция Народного Комиссариата Иностранных Дел Международным отделам краевых Совдепов, 22 февраля 1918 г.». См. «Документы внешней политики СССР», т. I, М., 1957, стр. 111. В «Миньго жибао» была напечатана не вся инструкция, а лишь ее заключительная часть, которую НКИД предлагал совдепам пропагандировать «при всяком удобном случае в печати, на митингах, в листовках». В китайской газете этому отрывку предпослано следующее предложение: «Если китайский народ хочет дать огор японско-европейским капиталистам и бороться с тиранией и несправедливостью, он должен тесно сплотиться с русским народом, так как русские — лучшие друзья угнетенных народов».

²² Лю Нун-чао. Влияние Октябрьской революции на «движение 4 мая» в Китае, в журн. «Лиши цзясюэ» («Преподавание истории»), май 1954, стр. 9.

²³ «Женьминь жибао», 12 марта 1955 г.

которой приветствовал успехи Советской России и призывал ее к дальнейшей борьбе»²⁴.

Отметим, что в книге Чжоу Цзэ-цзун вообще обходится молчанием вопрос об отношении Сунь Ят-сена и группировавшихся вокруг него социальных сил к Октябрьской революции, хотя этот аспект проблемы, пожалуй, лучше всего освещен в исторической литературе.

Миролюбивая внешняя политика Октябрьской революции обеспечила ей успех среди широких слоев мелкобуржуазного студенчества. Оно выступило инициатором массовой борьбы против антисоветских японо-китайских соглашений 1918 г. В петиции правительству от 21 мая 1918 г. пекинское студенчество писало: «Нет никакой надобности в посылке войск (в Россию.— Ю. Г.)... Ввод войск японцы объясняют нависшей над Азией угрозой,... какими-то кознями «экстремистов». Эту аргументацию, пущенную в ход двумя-тремя авантюристами, подхватили газеты»²⁵. Далее авторы документа подчеркивали: «Новое правительство России, ставящее своей целью создание коммунистического общества, уже заявило, что оно ни при каких обстоятельствах не совершит агрессии против другой страны»²⁶. Об агрессивной направленности антисоветских договоров писали с гневом и студенты провинции Гуандун²⁷.

Петиционной борьбе студенчества 1918 г. Чжоу Цзэ-цзун посвятил целый параграф. Но он показывает только одну ее сторону — антияпонскую направленность, и умалчивает главное — протест против втягивания Китая в антисоветскую интервенцию держав и стремление китайского народа поддержать революционные завоевания Октябрьской революции.

Иначе говоря, реакция на Октябрьскую революцию буржуазных слоев, группировавшихся вокруг Сунь Ят-сена, в целом была положительной. При отсутствии в стране Коммунистической партии эти слои безусловно отразили чаяния и стремления самых широких слоев китайской нации. Более того, Октябрьская революция помогла Сунь Ят-сену выработать политическую и социальную программу китайской революции на новом этапе ее развития. При этом нельзя, конечно, забывать о том, что восприятие Октябрьской революции группой Сунь Ят-сена было ограничено рамками буржуазного мировоззрения. Эта тенденция проявлялась тогда в виде осуждения «слишком радикальных методов действий русских», некритическом восприятии доводов реакционеров об Октябрьской революции как «общественном хаосе», «смуте» и т. д.

Несколько дальше в понимании Октябрьской революции идут китайские анархисты, которые с начала 1918 г. пытались осмыслить ее социалистический характер. С марта 1918 г. они стали выпускать ежемесячный журнал «Лаодун» («Труд»), который ставил своей целью объяснять китайским рабочим причины их тяжелой жизни и призывать их на борьбу против капиталистов²⁸. Интерес к социальным проблемам, к социальной борьбе обусловил пристальное внимание журнала к Октябрьской революции. С апреля и до прекращения издания в июле 1918 г. журнал широко освещал вопросы Октябрьской революции: причины, характер, движущие силы, первые мероприятия и успехи. И здесь Чжоу Цзэ-цзун остается верен себе, избегая освещения вопроса об осмысливании социалистической сущности нашей революции в китайской прессе.

²⁴ См. журн. «Новый Восток», М., 1927, № 18, стр. 8. Здесь имеется в виду телеграмма от 1918 г., отрывок из которой часто цитируется в литературе. Сам текст телеграммы до сих пор не найден. Получение телеграммы подтверждает Г. В. Чичерин в своем письме Сунь Ят-сену от 1 августа 1918 г. (См. «Документы внешней политики СССР», т. I, М., 1957, стр. 415—416).

²⁵ Лю Нун-чао. Указ. соч., стр. 10.

²⁶ Дин Шоу-хэ, Инь Сюй-и, Чжан Бо-чжао. Указ. соч., стр. 50—51.

²⁷ «Усы шици цикань цзешао», т. 3, стр. 155.

²⁸ Там же, т. 2, стр. 546—547.

Прежде всего «Лаодун» выступил против попыток реакционной прессы представить Октябрьскую революцию как «простую и случайную вспышку гнева», как «смуту»: «Слово «социальная революция», которую осуществил наш русский сосед, приводит людей в трепет. Но она есть естественная закономерность мирового развития». Причина ее кроется в глубоком социальном неравенстве. Русский народ поднялся на революцию из-за невыносимых материальных условий. Поэтому после «свержения деспотического правительства она быстро переросла в революцию социальную». Этим только и объясняются ненависть и озлобление к русской революции со стороны помещиков и капиталистов, так как они боятся лишиться частной собственности. Обездоленные массы горячо приветствуют Октябрьскую революцию и мечтают о ее победоносном развитии.

«Лаодун» приветствовал и одобрял деятельность большевистской партии, Советов, мероприятия по созданию армии, конфискации имущества и т. д. В этой связи интересна помещенная в журнале карикатура, на которой изображен капиталист, проливающий слезы перед вывешенными на стене декретами Советской власти: «Хлеб, земля, свобода... прекращение войны... конфискация частной собственности... ликвидация сословий... создание Совета народных комиссаров... свобода угнетенным народам». Авторы статей оптимистически смотрят на перспективы Октябрьской революции, резко обрушиваясь на тех, кто пророчит ей неминуемую гибель и осуждает выход России из войны. Что особенно интересно, «Лаодун» выступил в поддержку Брестского договора, продиктованного стремлением «как можно скорее обеспечить мирную передышку» и заняться созидательным трудом. И, наконец, журнал подчеркивал международное значение и характер русской революции как первого опыта решения социальных проблем. Она уже начала оказывать воздействие на Германию и Австро-Венгрию, и каждая страна сама будет решать, идти ли ей за русскими. Китайские рабочие должны понять, что революцию делают не герои, а рабочие массы, которые являлись «главной силой» Октябрьской революции; надо так же организоваться и действовать совместно с другими слоями общества, как в России, где успех был достигнут благодаря единству действий рабочих, солдат и крестьян.

В журнале имели место и отдельные искажения в освещении Октябрьской революции, которые, по мнению китайских исследователей, происходили в основном из-за того, что он вынужден был черпать сведения из буржуазных телеграфных агентств. Однако в общем публикации «Лаодун» имели большое значение в деле пропаганды идей Октября в Китае. Они привлекали внимание читателей к проблемам социалистического переустройства общества. В журнале впервые в Китае была опубликована биография В. И. Ленина, в которой высоко оценивалась его «деятельность, отвечающая требованиям эпохи». Пропаганда идей Октябрьской революции, которую вел «Лаодун», имела особенно большое значение, если учесть, что журнал широко распространялся и пользовался успехом не только в Китае, но и среди китайской эмиграции в Юго-Восточной Азии, Америке и Канаде. Хотя он издавался на языке «вэньянь», оторванном от норм разговорной речи, однако китайские анархисты, стремившиеся организовать рабочих, перевели, несомненно, содержание статей в устной пропаганде на более доступный язык. Вместе с тем журнал допускал искаженные оценки Октября, что было связано с его анархистскими установками: социальные преобразования в СССР расценивались как шаг к осуществлению идеалов мелкобуржуазного равенства, критиковалась марксистская теория государства²⁹. Китайские анархисты отказывались видеть в Октябрьской революции проявление ожесточенной классовой борьбы. Деятельность большевиков по револю-

²⁹ Там же, стр. 167, 170—174, 175.

ционному преобразованию общества изображалась ими как филантропия, как «стремление к абстрактному человеческому счастью».

Правильное освещение проблем Октябрьской революции с позиций марксистского социализма мы находим у Ли Да-чжао, в его работах 1918 г. Знание марксистской теории позволило ему пойти гораздо дальше группы Сунь Ят-сена и преодолеть ошибки анархистов.

В июльских статьях «Сравнение французской революции с русской», «Поражение пан...измов и победа демократии», в устных выступлениях перед массами Пекина в начале ноября («Победа масс» и «Победа большевизма») ³⁰ Ли Да-чжао впервые в Китае объяснил Октябрьскую революцию с историко-материалистических позиций. Работы Ли Да-чжао были прямо направлены против буржуазных идеологов, в частности Цай Юань-пэя, который клеветал на Октябрьскую революцию, идя вслед за реакционной западной и китайской прессой» ³¹.

Ли Да-чжао поднял вопрос о неизбежности повторения опыта русской революции в международном масштабе, им поставлена и решена проблема коренного отличия Октября от Французской буржуазной революции, вскрыты экономические предпосылки нашей революции. Правда, Ли Да-чжао еще не был знаком с ленинской критикой лозунга «Соединенные Штаты Европы», отзвуки которого можно услышать в названных работах. Тем не менее, его произведения имеют для Китая большое историческое значение. Они знаменовали поворот части радикальной интеллигенции, изучавшей события Октябрьской революции, к коммунизму ³².

³⁰ «Ли Да-чжао сюаньцзи», стр. 101—108.

³¹ См. «Цай Юань-пэй сюаньцзи» (Ц а й Ю а н ь - п э й. Избр. произв.), Пекин, 1959, стр. 61—64; см. также «Синь циннянь», 1918, т. 5, № 6, стр. 459.

³² Подробно об этих работах Ли Да-чжао см. нашу статью «Идейная борьба среди китайской интеллигенции в конце 1918 — в начале 1919 года». «Советское китаеведение», 1958, № 1.

